

Н. В. Власова

Коллизионное регулирование отношений представительства в России: доктрина, законодательство и судебная практика

В статье исследуются проблемные аспекты коллизионного регулирования отношений представительства в России. Делаются выводы о различиях в применении принципа автономии воли при регулировании внутренних и внешних отношений представительства, возможности применения судом вненациональных правовых источников при рассмотрении трансграничных споров, вытекающих из отношений представительства, а также о дальнейшем совершенствовании российского коллизионного регулирования этих отношений.

Ключевые слова: представительство; доверенность; коллизионные нормы; применимое право; автономия воли; вненациональные правовые источники; акты мягкого права.

Отношения представительства, содержащие в своем составе иностранный элемент, стали предметом весьма обширной международно-правовой и региональной унификации как в конвенциях, так и во вненациональных правовых источниках. Однако созданные на международном уровне единообразные материально-правовые нормы не охватывают всех аспектов внутренних (между представителем и представляемым) и внешних (с третьим лицом) отношений представительства ввиду невозможности на момент разработки достижения полного компромисса между континентальными и англо-американскими правовыми традициями в регулировании рассматриваемых отношений, которые заметно отличаются. Тенденция нормативной фрагментации, отмеченная в доктрине в отношении международного частного права в целом [10, с. 210–213], в срезе международно-правового регулирования представительства проявляется наиболее отчетливо ввиду

многообразие субъектов (международные организации, наднациональные интеграционные объединения, бизнес-сообщество) и уровней правотворчества в этой области (межгосударственный, надгосударственный, частный), что влияет на характер принимаемых норм (обязательные, рекомендательные). Фрагментация здесь имеет и свои преимущества, заключающиеся в «институциональном рассредоточении субъектов международного правотворчества», «гибком разнообразии» и «упорядоченном плюрализме» [4, с. 29], что позволяет сторонам отношений представительства, в особенности действующим в международном коммерческом обороте, выбирать подходящие правовые источники, регламентирующие их отношения. Вместе с тем в случае возникновения споров между представляемым и представителем либо споров этих лиц с третьими лицами, например относительно полномочий представителя, правовая определенность в их разрешении в наибольшей степени может быть достигнута посредством обращения к детально проработанным и соответствующим современным запросам международной коммерческой практики коллизионным нормам.

Специфика субъектного состава отношений представительства обуславливает существование двух разновидностей коллизионных норм в этой области. Объемом первой выступают внутренние отношения трансграничного представительства, объемом второй — внешние. Для каждого вида подбирается та коллизионная норма, которая отсылает к правопорядку, наиболее тесно связанному с соответствующими отношениями. В 1978 году с принятием Гаагской конференции по международному частному праву (Гаагская конференция) Конвенции о праве, применимом к договорам с посредниками и к представителям (Конвенция 1978 г.), была осуществлена международная унификация коллизионных норм о представительстве. Эта конвенция стала ориентиром для национального законодателя многих государств (в том числе России), включивших в последние годы в состав кодифицированных актов о международном частном праве коллизионные нормы о представительстве.

В российском Гражданском кодексе (ГК РФ) специальное коллизионное регулирование представительства появилось в 2013 году, хотя отдельные его аспекты регламентировались и действовавшими прежде нормами (о форме доверенности, о праве, применимом к односторонним сделкам и договорным обязательствам) [7, с. 602–603]. В ст. 1217.1 ГК РФ урегулированы договорные отношения между представителем и представляемым, а также отношения этих лиц с третьим лицом. В обоих случаях базовым принципом соответствующего регулирования является автономия воли сторон.

Отсылочная норма п. 1 ст. 1217.1 ГК РФ гласит о необходимости обращения к договорному статуту при определении применимого к договору о представительстве права. Следовательно, представитель и представляемый могут выбрать право для регулирования своих прав и обязанностей как в момент заключения договора, оформляющего их отношения, так и в последующем (п. 1 ст. 1210 ГК РФ).

Верховный суд РФ в Постановлении Пленума от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24) разрешил вопрос относительно возможности обращения сторон договора не только к правовым источникам, исходящим от государства, но и к вненациональным (неформальным, негосударственным) правовым нормам, которые рекомендованы международными организациями или объединениями государств (см. п. 32 названного постановления). Модель государственного регулирования (в национальном законодательстве либо в форме международного договора), по оценкам ученых, не отвечает современным запросам со стороны бизнеса [9, с. 98]. Применение документов, содержащих нормы негосударственного происхождения (актов мягкого права), становится все более распространеным в международной коммерческой практике [14, с. 31–35], осуществляется международным коммерческим арбитражем, поддерживается юридическим сообществом [9, с. 98–99]. Так, в практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) допустимость выбора вненациональных правовых источников признавалась задолго до принятия разъяснений ВС РФ в силу п. 1 ст. 28 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [2, с. 12–19]. Более того, такой авторитетный негосударственный регулятор, как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, применялся МКАС при ТПП РФ в отсутствие выбора сторонами применимого права (решение по делу № М-17/2017) и в дополнение к выбранному сторонами национальному праву (решение по делу № 218/2012). Изменение парадигмы развития источников международного частного права в сторону альтернативных вненациональных регуляторов и саморегулирования находит формальное выражение в документах, вырабатываемых как бизнес-объединениями (см. опубликованный Международной торговой палатой (МТП) в 2015 году документ «Вненациональные нормы как право, применимое к международным коммерческим контрактам на базе типовых контрактов МТП»), так и международными межправительственными организациями (Принципы о выборе права в международных коммерческих договорах, одобренные Гаагской конференцией в 2015 году) [8, с. 72]. Применение актов мягкого права, как пояснил ВС РФ, возможно только в случае прямого выражения согласия на то сторон.

В числе прямо поименованных в постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 актов мягкого права для внутренних отношений представительства применимы Модельные правила европейского частного права, где помимо общих положений о представительстве урегулированы отдельные виды договоров — поручения, франчайзинга, коммерческий агентский и дистрибьюторский договоры. Однако в рассматриваемом постановлении не названы другие важные вненациональные источники, как, например, типовые контракты МТП, в нашем случае — Типовой коммерческий агентский

контракт МТП (ТКАК), третья редакция которого была опубликована в 2015 году (публикация ICC 766 R). Сам ТКАК (ст. 24.1) содержит два альтернативных варианта оговорки о применимом праве, первый из которых вообще не предусматривает возможности выбора сторонами права какого-либо государства, но отсылает к условиям договора и *lex mercatoria*, в том числе к Принципам УНИДРУА (однако учитываются свехимперативные нормы государства основного места деятельности агента). Второй вариант согласование национального права допускает, однако в отсутствие выбора сторонами одной из альтернатив автоматически применяется первый вариант. При этом даже если соответствующий договор не базируется на рассматриваемой форме, отдельные авторы полагают, что в свете принятых разъяснений ВС РФ возможно обращение суда к положениям ТКАК в том случае, если сторонами в качестве применимого права выбраны негосударственные регуляторы, *lex mercatoria* и т. п. [11, с. 174]. Вместе с тем полагаем необходимым учитывать, что полномочия коммерческого агента согласно ТКАК ограничены совершением фактических действий в интересах принципала (что может не соответствовать модели коммерческого агентского договора, из которого возник рассматриваемый судом спор), целый ряд статей ТКАК сформулирован в форме альтернативных норм (например, о привлечении субагентов, выплате коммерческому агенту вознаграждения в случае самостоятельного заключения сделок принципалом с клиентами на определенной в договоре территории, а также после прекращения действия коммерческого агентского договора и пр. [13, с. 97–102]). Обращение суда к подобным альтернативным нормам ТКАК к правовой определенности не приведет. Как отмечается в литературе, «выбранные сторонами документы должны представлять собой полноценный договорный статут» [6, с. 108]. В таком случае, как представляется, суд будет вынужден в силу указаний второго абзаца п. 32 анализируемых разъяснений ВС РФ применить, исходя из коллизионных норм или соглашения сторон, внутригосударственное право, поскольку альтернативные нормы ТКАК и его отдельные конструкции не позволяют полно разрешить все спорные вопросы.

В отсутствие выбора права к внутренним отношениям представительства подлежит применению право страны, где на момент заключения договора, на котором основано представительство, находится место жительства или основное место деятельности представителя как стороны, которая осуществляет характерное исполнение, за исключением тех случаев, когда договор явно более тесно связан с правом другой страны.

Выбор права допускается российским ГК и во внешних отношениях представительства (п. 2 ст. 1217.1), однако уполномочен на такой выбор лишь один из участников этих отношений — представляемый, который может указать на желаемое право в доверенности. Односторонняя модель выбора применимого права в ГК РФ обусловлена, как отмечается в доктрине, природой доверенности как одностороннего акта представляемого, которым он наделяет соответствующими полномочиями представителя [1, с. 30]. Условием

действительности сделанного выбора является осведомленность о нем представителя и третьего лица (последнее может узнать об этом в том числе из доверенности). ГК РФ напрямую ограничивает выбор национальным правом, исходящим от того или иного государства. Следовательно, исключается возможность обращения представляемого к таким негосударственным регуляторам, как Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права или Модельные правила европейского частного права, где, помимо прочего, содержатся нормы о полномочиях представителя. Равным образом невозможна отсылка в доверенности в качестве применимого права к нормам Конвенции УНИДРУА 1983 года о представительстве при международной купле-продаже товаров, в основном посвященным внешним аспектам представительства.

Примечательно, что ВС РФ конкретизировал нормы ГК РФ о выборе статуса внешних отношений представительства, указав на допустимость учета судом подразумеваемого выбора права представляемым, если он не осуществил его явным образом в доверенности. Таковым, исходя из совокупности обстоятельств дела и содержания доверенности, суд может посчитать право той страны, на территории исключительно которой в соответствии с доверенностью представитель уполномочен совершать юридические действия от имени представляемого. Кроме того, о подразумеваемом выборе статуса основного договора (заключенного представителем, выступающим от имени представляемого, с третьим лицом) свидетельствует, по мнению ВС РФ, и выдача доверенности представителю исключительно для целей исполнения обязательств по такому договору, на что прямо должно быть указано в ее тексте. Такая конкретизация допустима согласно п. 6 ст. 1210 ГК РФ, распространяющему действие положений п. 1–3 и 5 этой статьи к допускаемому законом выбору сторонами права для регулирования их отношений, не основанных на договоре [1, с. 31–32].

Сопоставление двух конструкций применения принципа автономии воли во внутренних и внешних отношениях представительства демонстрирует, что они все же заметно различаются, а представитель и представляемый как стороны договора о представительстве обладают более широкой палитрой реализации своих законных интересов, нежели эти же субъекты и третье лицо, совершающее сделку с представителем, выступающим от имени представляемого. Помимо исключения применения к внешним отношениям представительства вненациональных правовых источников, которые могли быть выбраны сторонами этих отношений, возможностью выбора применимого права наделен лишь представляемый, тогда как остальные участники — представитель и третье лицо — такой возможности лишены. Однако, например, Конвенция 1978 года (а следовательно, и участвующие в ней государства — Аргентина, Нидерланды, Португалия, Франция) допускает выбор права к регулированию внешних отношений представительства не только со стороны представляемого, но и со стороны третьего лица — с соблюдением письменной формы такого выбора (указание представляемым в доверенности либо третьим лицом —

в договоре, заключенном с ним представителем от имени представляемого) и с условием его принятия другой стороной в явно выраженной форме (хотя подобная двусторонняя модель, предусматривающая обязательный акцепт представляемым или третьим лицом выбранного права, критикуется в доктрине в связи с практической малопригодностью [15, р. 145]). Третье лицо имеет возможность выбора применимого права в соответствии с нормами законодательства о международном частном праве Болгарии и канадской провинции Квебек. Учет позитивного зарубежного и международного опыта, складывающаяся тенденция к последовательному расширению сферы действия автономии воли сторон, а также необходимость обеспечения баланса интересов всех участников отношений представительства в совокупности приводят к выводу о целесообразности предоставления возможности выбора права, применимого к внешним отношениям представительства, также представителю и третьему лицу и внесения соответствующих изменений в первый абзац п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ. Согласовать применимое право возможно, к примеру, в момент заключения представителем и третьим лицом основного договора, где они могут отразить сделанный выбор.

В отсутствие выбора представляемым статута внешних отношений представительства последовательно применяются две коллизионные привязки. Генеральной является та, что отсылает к праву страны места жительства или основного места деятельности представителя. Так, Арбитражный суд г. Москвы признал применимым в споре российское право, исходя из того, что доверенность была выдана российским юридическим лицом российскому гражданину (решение от 15.09.2017 по делу № А40-101137/2015 [5, с. 105]). Условием применения этой привязки выступает осведомленность третьего лица о месте жительства или основном месте деятельности представителя. В противном случае применяется субсидиарная привязка к праву страны преимущественной деятельности представителя в конкретном случае. Определение этого места Пленумом ВС РФ поставлено в зависимость от способа совершения сделки представителем с третьим лицом. Если в этот момент они оба находились в одном и том же месте, то таковым признается место совершения этой сделки. В случае нахождения представителя и третьего лица в разных государствах и совершения сделки путем обмена сообщениями таковым считается место, где в момент направления третьему лицу оферты или акцепта находился представитель. Однако Пленум ВС РФ в п. 50 своего постановления указал только на один из возможных способов дистанционного совершения сделки, хотя и не конкретизировал, какого рода сообщения имеются в виду. Вместе с тем с развитием информационно-телекоммуникационных технологий формируется практика совершения сделок «с применением протокола голосовой связи через Интернет (VOIP) или посредством электронного обмена данными (EDI)», «заключения онлайн-контрактов на веб-сайтах» [12, с. 21]. Применение таких качественно новых способов, очевидно, влияет на определение момента совершения сделки представителем с третьим лицом.

Дополнив положения п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ указанием на момент, по состоянию на который определяется место преимущественной деятельности представителя в конкретном случае, ВС РФ, как и законодатель, оставил без ответа вопрос о моменте, по состоянию на который определяется место жительства или основное место деятельности представителя, что потенциально может вызвать затруднения в судебной практике при определении применимого права в отсутствие выбора его представляемым в доверенности, кроме того, самым прямым образом обуславливает осведомленность третьего лица о месте жительства представителя, которое может быть изменено после выдачи доверенности. В связи с этим полагаем целесообразным устранение выявленного пробела путем уточнения коллизионной отсылки второго абзаца п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ к праву страны места жительства или основного места деятельности представителя и указания в ней одного из предлагаемых моментов: 1) заключение договора, на котором основано представительство; 2) выдача представляемым доверенности представителю; 3) начало переговоров между представителем и третьим лицом о заключении основного договора; 4) заключение основного договора [3, с. 77]. Любой из предложенных вариантов в случае закрепления его в ГК РФ или разъяснениях Пленума ВС РФ, которыми руководствуются в своей деятельности российские суды, будет способствовать достижению должной степени правовой определенности и облегчению установления применимого права судом.

Подводя итог рассмотрению российского коллизионного регулирования отношений представительства, отметим, что в нем нашли отражение выработанные за долгие годы в доктрине, законодательстве различных государств, международной практике коллизионные привязки. Регламентация и внутренних, и внешних отношений представительства базируется на применении принципа автономии воли, сфера действия которого в последние годы заметно расширилась, вместе с тем специфика представительства, заключающаяся в существовании триады его сторон и делении его по сути на две группы отношений — между представителем и представляемым и между представителем или представляемым и третьим лицом, обуславливает различия в применении данного принципа к этим двум группам отношений. Несмотря на обновление коллизионных норм о представительстве ГК РФ, произошедшее в 2013 году, когда ГК РФ был дополнен статьей 1217.1, посвященной этим вопросам, а также детальные и обстоятельные разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам коллизионного регулирования представительства, вошедшие в его постановление от 09.07.2019 № 24, приходится констатировать наличие определенных пробелов в коллизионных нормах о представительстве, требующих, на наш взгляд, восполнения в законодательном порядке либо в порядке дачи уточняющих разъяснений Верховным судом РФ, в частности: о наделении представителя и третьего лица правом выбора статута внешних отношений представительства, а также о конкретизации в генеральной коллизионной привязке п. 2 ст. 1217.1 ГК РФ момента, по состоянию на который определяется место жительства или основное место деятельности представителя.

Литература

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование отношений добровольного представительства // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 7–50.
2. Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12–19.
3. Власова Н. В. Коллизионное регулирование добровольного представительства в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 68–77.
4. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.
5. Колобов Р. Ю. Некоторые проблемы применения коллизионных норм в судебной практике (по следам реформы раздела 6 ГК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 100–106.
6. Колобов Р. Ю. Новейшие тенденции развития международного частного права России (к принятию Постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 104–113.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изд., испр. и доп. / отв. ред.: Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М.: Юридическая Фирма Контракт, 2014. 688 с.
8. Лазарева Т. П., Шестакова М. П. Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 69–83.
9. Мажорина М. В. Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам: оксиморон или новая реальность // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12. С. 93–103.
10. Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.
11. Михайлова Л. А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 168–176.
12. Муратова О. В. Концепция транснационального потребительского права в современном мире // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 20–28.
13. Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая Фирма Контракт, 2021. 432 с.
14. Шестакова М. П. О неформальных источниках регулирования внешнеэкономических отношений // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 31–35.
15. Badr G. M. Agency: Unification of Material Law and of Conflict Rules // Recueil des Cours. 1984. Vol. 184. P. 9–168.

Literatura

1. Asoskov A. V. Kollizionnoe regulirovanie otnoshenij dobrovol'nogo predstavitel'stva // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. № 6. S. 7–50.
2. Asoskov A. V. Novoe Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF o primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava: klyuchevy'e raz'yasneniya // Sud'ya. 2019. № 11. S. 12–19.

3. Vlasova N. V. Kollizionnoe regulirovanie dobrovol'nogo predstavitel'stva v Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 10. S. 68–77.
4. Zaloilo M. V. Fragmentaciya kak sovremennaya tendenciya razvitiya pravovogo prostranstva // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 1. S. 27–49.
5. Kolobov R. Yu. Nekotory`e problemy` primeneniya kollizionny`x norm v sudebnoj praktike (po sledam reformy` razdela 6 GK RF) // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 100–106.
6. Kolobov R. Yu. Novejshie tendencii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava Rossii (k prinyatiyu Postanovleniya Plenuma Verxovnogo suda RF ot 9 iyulya 2019 g. № 24) // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2019. № 4. S. 104–113.
7. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti tret`ej (postatejny`j). 4-e izd., ispr. i dop. / otv. red.: N. I. Mary`sheva, K. B. Yaroshenko. M.: Yuridicheskaya Firma Kontrakt, 2014. 688 s.
8. Lazareva T. P., Shestakova M. P. Nekotory`e problemy` vy`bora primenimogo prava v praktike razresheniya vneshnee`konomicheskix sporov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 6. S. 69–83.
9. Mazhorina M. V. Vnenacional'ny`e normy` kak primenimoe pravo k mezhdunarodny`m kontraktam: oksimoron ili novaya real`nost` // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2016. № 12. S. 93–103.
10. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyax globalizacii: ot razgosudarstvleniya k fragmentacii // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2018. № 1. S. 193–217.
11. Mixajlova L. A. Negosudarstvennoe regulirovanie v sfere transgranichny`x agentskix otnoshenij // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 3. S. 168–176.
12. Muratova O.V. Konceptciya transnacional'nogo potrebitel'skogo prava v sovremennom mire // Lex Russica. 2019. № 7 (152). S. 20–28.
13. Otdel'ny`e vidy` obyazatel'stv v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya / otv. red. N. G. Doronina. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yuridicheskaya Firma Kontrakt, 2021. 432 s.
14. Shestakova M. P. O neformal'ny`x istochnikax regulirovaniya vneshnee`konomicheskix otnoshenij // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2019. № 6. S. 31–35.
15. Badr G. M. Agency: Unification of Material Law and of Conflict Rules // Recueil des Cours. 1984. Vol. 184. P. 9–168.

N. V. Vlasova

Conflict Regulation of Representative Relations in Russia: Doctrine, Legislation and Judicial Practice

The article examines the problematic aspects of conflict regulation of representative relations in Russia. Conclusions are drawn about the differences in the application of the principle of autonomy of will in the regulation of internal and external relations of the representative office, about the possibility to use non-national legal sources by the court when considering cross-border disputes arising from the relations of the representative office, as well as further improvement of the Russian conflict regulation of these relations.

Keywords: representation; power of attorney; conflict of laws; applicable law; autonomy of will; non-national legal sources; soft law acts.